Александра Симонова

Формирование космической мифологии как фактора развития научных исследований космоса в СССР и России

Creation of space mythology as a factor of scientific research of outer space in the USSR and Russia

The space mythology has passed through different phases during the XXth century. My research focuses on the three main types of myth creation in the USSR and modern Russia, which are folklore, wordview and communication. This analysis of attitudes toward outer space provides an opportunity to follow the juxtaposition of myth, politics, science and society. In the early XXth century myths about outer space were similar to folklore, but later outer space become the central part of the Soviet worldview. Dreams about outer space defined the world of Soviet people. The political crisis in the USSR was tied to the dead-end of technology development for outer space exploration. The collapse of the USSR and the loss of political vector in Russia in the 1990s aggravated the stagnation of space program that followed by losing of mythology based on Soviet science fiction. Pragmatic goals without utopian imagination, scientific passion and political will included outer space in world market where myth emerged as a communication strategy for promotion of big corporations' interests. Common knowledge separated from scientific basics and strong political values was not able to create new outer space mythology that ended up with loss of public interest as well as the goals for scientific exploration of outer space in Russia.

Key worlds: outer space, utopia, mythology, communication, space program, cosmism, imagination, soviet science, soviet technology, cyberpunk, science fiction, STS.

Симонова Александра Валерьевна, Центра изучения науки и технологии в ЕУСПб, научный сотрудник. E-mail: simonova.alex@gmail.com
Aleksandra Simonova, research fellow in the Center for Science and Technology Studies (EUSPb).
Исследование проведено при поддержке Института медиа, дизайна и архитектуры «Стрелка». Публикация подготовлена в Европейском университете в Санкт-Петербурге при поддержке Правительства РФ (грант є 14.U04.31.0001). Автор выражает признательность Василию Аузану, Рейниру де Граафу и Лоре Брайд за помощь в проведении исследования, глубокую благодарность Зинаиде Васильевой и Илье Матвееву за комментарии к тексту.

Утопии — светило мирозданья,
Поэт-мудрец, безумствуй и пророчь,—
Иль новый день в неведомом сиянье,
Иль новая, невиданная ночь!

Н. Тихонов, «Перекресток утопий», 1918

Гипотезой моего исследования стало предположение, что в случае освоения космоса в XX веке мифология, научное знание и общественно-политические взгляды тесно взаимосвязаны. На протяжении столетия формирование утопий шло рука об руку с развитием рациональных подходов к внеземному пространству. В современной России осмысление космоса нашло новые формы, вызванные не только политическим и экономическим кризисом, но и крахом утопических представлений о будущем. Чтобы показать, каким образом в мифе о космосе находит отражение эволюция науки и общества, я рассмотрю философские концепции, утопии и научную фантастику, послужившую источником мифических космических образов в СССР.

Мифология

П. Вайль и А. Генис в книге «60-е. Мир советского человека» указывают на важность для российского общества двух концептов: войны и храма [Вайль, Генис, 2001]. И если идея войны сопровождала всю историю СССР, то религиозные институты были практически демонтированы вместе с церквями. Новые архитектурные формы, включая сталинские высотки, по версии исследователей, страдали от дефицита иерархически выраженной моральной идеи. Если «небо русского человека не может быть пустым» [Там же, с. 10], то на смену ангелам должны были прийти новые небожители. Ими стали космонавты, которые «должны были занимать промежуточное положение, сочетая рабоче-крестьянскую доступность и принадлежность к высшим сферам» [Там же, с. 10].

Предложенный взгляд отсылает к формалистической концепции мифа [Аверинцев, 1970, с. 115]. В рамках формализма миф определяется как «рассказ о божествах или божественных существах, в которых народ верит» [Пропп, 1946, с. 16], или «предания, повествующие о богах и героях» [Тренчени-Вальдапфель, 1959, с. 49].

Однако на миф можно также смотреть как на мировоззренческую систему, сопоставимую в некоторых случаях с идеологией. Демиурги и герои являются, чтобы удовлетворить вполне утилитарные потребности людей. В таком ракурсе потребность со-

ветских людей быть вписанными в некоторую идеалистическую иерархию аналогична потребностям древних людей. Такая аналогия уравнивает мышление первобытного и цивилизованного человека.

До начала XX века такое уравнивание было невозможно. В истории культуры доминировало представление о мифе не просто как о фольклоре, но как об особом этапе человеческого развития, присущем преимущественно архаическим культурам. Миф исследовался как продукт человеческого воображения на начальных стадиях эволюции культуры.

Клод Леви-Стросс, изучая носителей бесписьменных культур, приходит к выводу, что воображение — это инструмент, с помощью которого древние люди познавали окружающий мир [Леви-Строс, 2007]. Именно потребность в познании и объяснении космоса, жизни и устройства общества рождала мифологию. Тем не менее, производство знания не всегда является следствием познания реальности. Анализ того, как соотносятся воображение и эмпирическое знание в формировании мифа, подсказывает ряд интуиций. Миф можно понимать как переходную территорию от известного к неизвестному. Таким образом, мифом является любая логическая структура, которую невозможно доказать из-за нехватки информации или неточных методов познания, потенциально способная перейти в рациональное знание. Миф также описывает модели поведения, которые определяют существование человека в мире [Чернышева, 1972]. Важное свойство мифа — он является формой адаптации научного знания обществом: поверхностно усваивая научные теории и практики, человек их мифологизирует и приспосабливает к повседневной жизни.

В конце XX века появляется новый тип космического мифотворчества. Миф оформляется в виде коммуникативной системы, формирующей идеологический уровень дискурса. С одной стороны, космическая тематика входит в языковые практики и дискурс, закрепляясь в мифическом качестве. С другой, миф маскирует свою идеологичность [Барт, 2008]. В качестве коммуникационного инструмента миф теряет свою объяснительную силу, превращаясь в инструмент манипуляции.

В данной работе прослеживается, как трансформировалась мифология космоса в СССР и современной России: из космического рассказа, сопоставимого с фольклором, в мировоззренческую систему, где миф о космосе становился центральным элементом не только идеологии, но и ключом к познанию мира. Наконец, миф переходит в коммуникационную стратегию, сопровождающую сначала политические, а позже рыночные процессы, захватившие космос в начале XXI века.

Религия и философия космизма как источник мифа о космосе

В XV–XVII веках картина космического устройства, предложенная Галилеем, Коперником и Ньютоном, не лишала небесные явления загадочности. Сюжеты многочисленных европейских романов строились вокруг жизни на других планетах и космических путешествий. Однако в России до середины XIX века космос осмыслялся, скорее, в рамках религиозной картины мира и суеверий, что также вписывается в формалистическую трактовку мифа. Так, научное объяснение кометы 1811 г. полностью нивелировалось представлением, что небесное тело предвещает войну 1812 года[1].

Восприятие космического пространства обусловливалось религиозным мышлением вплоть до XX века. Если понимать религию как «совокупность явлений, в которых люди выражают сознание радикальной конечности своего существования и ее реальное преодоление» [Лобовиц, 1990, с. 10], то мысли об ограниченности жизни и ее смысле тесно увязывались с вполне религиозными представлениями о том, что несет космос для человека.

Так, в романе «Братья Карамазовы» в главе «Черт. Кошмар Ивана Федоровича» бес помимо прочего рассказывает Ивану, что топор, запущенный в пространство, станет вращаться вокруг Земли как спутник — здесь это слово впервые звучит в современном космическом значении.

Эсхатологические представления о космосе представлены в романе Веры Крыжановской «Смерть планеты» (1911). Она утверждает, что нарушение моральных норм приведет к уничтожению Земли. Апокалипсис в масштабе одной планеты, по мысли автора, служит космической эволюции, очищая вселенную от зла.

Космизм, философское течение, широко распространенное на рубеже XIX и XX веков, способствовал двойственному пониманию космоса как внеземного пространства и системы мироздания. Для космизма существен акцент на преодолении потустороннего мира. Все существующее в мире можно понять, но научное знание страдает фрагментарностью, оно не способно объяснить тайны жизни, поэтому необходимо сформировать целостную картину мира, куда войдет не только земная жизнь, но и «живой космос». Для художника и философа-космиста Николая Рериха такой точкой соприкосновения земного и космического стала Шамбала, поиску которой

1 Именно этот миф был взят Львом Толстым в романе «Война и мир» для иллюстрации эмоционального климата в России перед вторжением Наполеона.

он посвятил две экспедиции в горы Тибета и Средней Азии. Однако решающим толчком для новой мифологизации космических исследований стали идеи Николая Федорова.

Идея «живого космоса» представлена у Федорова в виде заселения планет воскресшими людьми: возвращение к жизни предков мыслится как цель освоения космоса, достичь которую возможно лишь в высоконравственном состоянии. Путь к моральному идеалу Федоров чертит через рациональную концепцию, предполагающую господство над природой для достижения всеобщего блага. Такое господство предполагает управление метеорологическими условиями, урожаями, электромагнитной и солнечной энергией, необходимой для полетов в космос [Федоров, 2008]. Достижение нравственного идеала и попытки разработать космический корабль не в меньшей степени заботили Константина Циолковского, учеником которого считал себя Сергей Королев — создатель первой советской ракеты.

Космические утопии и образ будущего советского общества

Сначала для большевиков, а потом для советских писателей и режиссеров космос стал местом коммунистической утопии. Она выполняла две задачи: учреждение новых убеждений и ценностей, а также адаптацию политических идей для стратегического развития страны [Ревич, 1997]. Утопический миф стал образом будущего.

Идея обитаемого космоса играет заметную роль в утопических произведениях начала XX века. Главным сюжетом становится встреча с инопланетянами. Такие истории были вдохновлены наблюдениями астронома Джованни Скиапарелли, который в 1877 г. обнаружил на Марсе «систему каналов» — якобы аналог ирригационных систем земных цивилизаций. Заметим, что схожим способом, опираясь на аналогии, шел процесс мифотворчества в древности. В случае с научными идеями «аналогия дает толчок работе воображения, ибо именно она отвечает основному принципу познания от известного и познанного к неизвестному, необъясненному» [Чернышова, 1972, с. 290].

Одна из первых утопий, берущих начало в мифе о марсианских каналах, принадлежит перу Порфирия Инфантьева. Роман «На другой планете» написан в 1901 г. этнографом, сместившим фокус исследования с сибирских народностей на марсианское общество. Инфантьев предвидит, что как только будут изобретены необходимые технологии, социальные и экономические проблемы решатся. В романе писатель описывает высшее марсианское общество, которое может себе позволить не работать не из-за привилегированного

положения, а благодаря организации высоких технологий на благо общества. Машины высвободили рабочие руки, и люди теперь посвящают себя отдыху, путешествиям и образованию.

Александр Богданов, ключевая фигура в истории большевистской партии, стал в 1908 г. автором первой коммунистической утопии. В научно-фантастическом романе «Красная звезда» он рассказывает историю ученого-социалиста, которому представилась возможность попасть на Марс, чтобы изучить его социалистическое общество и сравнить с российскими реалиями. Утопизм романа подчеркивают гротескные детали: например, «красному» устройству общества на Марсе вторит природа, изменившая естественный цвет с зеленого на красный. «Первое, что меня поразило в природе Марса и с чем мне всего труднее было освоиться, — это красный цвет растений... Надо признать, что и в земной флоре есть социализм, но в скрытом виде» [Богданов, 1990, с. 21].

После событий 1917-го отдельное крыло большевиков продолжило бороться за мировую революцию. Роман Алексея Толстого «Аэлита» (1923) иллюстрирует идею не просто мировой, но уже космической революции. Советский ученый и изобретатель отправляется на Марс, где с помощью офицера Красной армии свергает фашистский режим и учреждает коммунистический рай. Киноверсия романа режиссера Я. Протазанова вышла в свет в 1924 г., став классикой советского кинематографа. Мультипликационная работа «Межпланетная революция» того же периода карикатурно показывает марсианское общество, где буржуазия буквально пьет кровь рабочих, пока революция не кладет конец капиталистическому вампиризму.

Космические войны описываются в романе Александра Беляева «Борьба в эфире» (1928). В будущем, которое предвидит автор, состоится конфликт между панъевропейской и паназиатской цивилизациями. Война ведется по последнему слову техники с использованием электромагнитного оружия (так называемых «лучей смерти»), энергетических щитов, индивидуальных реактивных летательных аппаратов, радиоуправляемых танков.

Через год, в 1929-м, в Москве открывается планетарий, который в определенной мере кладет конец марсианским утопиям. Космическое пространство становится доступным каждому. Набирает обороты популяризация научных знаний: с 1934 г. при планетарии работает астрономический кружок для школьников.

Наука вытесняла миф, и в 1940-х уже было трудно верить в обитаемый Марс. Тем не менее, Борис Анибал в романе «Моряки вселенной» делает последний рывок: по сюжету советские ученые находят на Земле останки марсианской цивилизации. Это произведение закрывает историю советских марсианских утопий как по содержанию, так и с точки зрения литературного мастерства: «...автор

умудрился собрать в одном тексте почти все фирменные клише марсианского романа. И хотя нового качества не получилось, повесть написана на хорошем среднем уровне» [Первушин, 2006, с. 321].

Антиутопия: от личного к общественному

В 1940-х давление политической системы, усиленное репрессиями, привело к возникновению жанра космической антиутопии, в которой негативные тенденции, с которыми столкнулось советское общество, побеждают надежды. Именно в этом жанре работал детский писатель Ян Ларри. Роман «Небесный гость» был написан для одного читателя — Иосифа Сталина, автор инкогнито отсылал главы лично главе СССР, чтобы рассказать ему о положении дел в стране, о котором, как верил Ларри, Сталин не догадывался.

В романе Ларри марсианский корабль приземляется на Землю, в разговоре с землянами пришельцы выясняют, что путь к социалистическому обществу преградила партийная верхушка. Потеря ориентира и есть проблема СССР: «Чем вы живете? Какие проблемы волнуют вас? Судя по вашим газетам, вы только и занимаетесь тем, что выступаете с яркими, содержательными речами на собраниях да отмечаете разные исторические даты и справляете юбилеи. А разве ваше настоящее так уж отвратительно, что вы ничего не пишете о нем? И почему никто из вас не смотрит в будущее? Неужели оно такое мрачное, что вы боитесь заглянуть в него?» [Ларри, 1993, с. 123]. Хотя книга не была опубликована, писателя приговорили к 15 годам заключения за антисоветские убеждения.

Холодная война дала начало еще одному типу антиутопии о капиталистической планете, раздираемой проблемами и противоречиями. Детский роман Н. Носова «Незнайка на Луне» (1964) с элементами научной фантастики описывает путешествие героя и его друзей на Луну, где царит капитализм. Герои, незнакомые с понятием частной собственности, постоянно попадают в неприятности. Примечательно, что в 1990-х возник новый интерес к роману: нарисованная картина узнаваемо напоминала постсоветские реалии.

Практика утопии: между мифом и рациональностью

Именно космизм Н. Федорова стал отправной точкой для целого ряда научных исследований. Последователь философа К. Циолковский, описавший принцип построения космического корабля как в научных трудах, так и в фантастических сюжетах, в значительной степени повлиял на реальную ракету, созданную С. Королевым.

Первый спутник (1957), первое достижение поверхности Луны (1959) и, наконец, первый космонавт (1961) стали не просто гордо-

стью Советского Союза, но точкой, где совпали (или встретились) миф и рациональность. С одной стороны, интерес Хрущева к космосу был чисто прагматическим, с другой стороны, как объясняет И. Чичери-Ронай, миф о космосе в тот момент ушел в научную фантастику. Этот жанр адресовался молодой интеллигенции, для которой наука стала символом свободы от сталинского гнета [Csicsery-Ronay, 2004]. По существу, именно эта группа, а не пролетарии, крестьяне или партийные работники, претендовала на звание новых людей. Интеллигенция, т. е. инженеры, научные и творческие работники стремились «взять на себя ведущую роль в трансформации советского общества в технологически продвинутую цивилизацию, и даже возглавить ее движение в сияющее коммунистическое будущее, основанное не на пустых фразах, а на научных достижениях» [Ibid., p. 343].

Утопический миф, вдохновивший писателей-фантастов революционного периода и вытесненный в сталинский период, вновь обрел актуальность, но в более прагматичном ключе. Ученые естественных наук интересовались гуманитарным знанием не меньше, чем гуманитарии вдохновлялись техническими идеями. Знаком времени, объединившим надежды физиков и лириков, стал фильм «9 дней одного года» (1962) о героической жизни и работе физиков-ядерщиков. Кроме того, характерный диалог приведен в романе братьев Стругацких «Понедельник начинается в субботу» (1965):

— А чем вы занимаетесь? — спросил я.
— Как и вся наука, — сказал горбоносый. — Счастьем человеческим.
— Понятно, — сказал я. — Что-нибудь с космосом?
— И с космосом тоже, — сказал горбоносый

[Стругацие, 1965, с. 87].

Вторая половина XX века — это золотой век советской научной фантастики, популяризировавшей научные достижения. «Прежде всего какое-то освоение научных знаний массовым сознанием необходимо как одно из условий развития общества в целом, без этого невозможен прогресс всего общества. Но освоить в каждый данный момент научное знание в его чистом виде обиходное сознание не в состоянии» [Чернышова, 1972, с. 289]. Помимо популяризации научная фантастика ставила новые, пусть и долгосрочные, цели не только перед наукой, но и обществом.

Книги и журналы («Техника молодежи», «Юность» и др.) описывали космические завоевания в наивно-упрощенной манере. Тем не менее, в текстах проходит красной нитью мысль о том, что космос и технологии должны решить социальные проблемы. Иван Ефремов в «Туманности Андромеды» (1954) предложил хоронить

ядерные отходы в космосе; братья Стругацкие в романе «Страна багровых туч» (1959) писали о создании нового человека на Луне, где гравитация меньше и сохранять молодость можно дольше. Многие авторы, в том числе ученые, писали о добыче редких материалов и развитии заводов на других планетах [Урсул, 1967].

Публиковались целые циклы статей, посвященных освоению Луны и терраформированию. Рука об руку с литературой шло развитие жанра космической живописи. Яркие представители — космонавт Алексей Леонов и писатель-фантаст Андрей Соколов. Исследователь П. Краснов утверждает, что их творчество — «это слепок с мироощущения сути советской эпохи. Ощущение сбывающегося счастья и того, что завтрашний день будет еще лучше сегодняшнего. Никакое общество в истории человечества до этого никогда не жило с этим чувством. Это счастье человека-творца, созидателя и победителя» [Краснов, 2011].

Кризис идентичности на периферии утопии

Несмотря на героический ореол, образ ученого-космонавта первым пал жертвой кризиса идентичности, с которым столкнулись советские люди. Во многом это произошло из-за критического осмысления космических исследований и кризиса политической системы после 1968 г. Коммунизм с человеческим лицом не удался, так же как космос не стал местом воплощения коммунистической идеи. Миф, совместивший моральные аспекты и технологическое усовершенствование, распался.

Андрей Тарковский в фильме «Солярис» (1972) красноречиво показывает: космос для всеобщего счастья не нужен. Диалог доктора Сноута и Страториуса раскрывает суть проблемы: «Мы вовсе не хотим завоевывать космос, хотим только расширить Землю до его границ. Не ищем никого, кроме людей. Не нужно нам других миров. Нам нужно зеркало. Мы не знаем, что делать с иными мирами», — заявляет Сноутон. Человек боится и не понимает космос; вместо того чтобы построить новую жизнь, основанную на научных достижениях, советское общество погружается в борьбу с инакомыслием. Космос как отражение общества оказывается злом.

На руинах мифов, утверждающих идентичность через единение с космосом, возникают идеи о принципиально непостижимой природе неземного пространства. Ф. Джеймисон отмечает, что сам утопический жанр научной фантастики в СССР породил отстраненность от космического будущего. Исследователь оспаривает возможность литературного жанра моделировать будущее, так как его скрытый посыл заключается не в том, чтобы устанавливать новые

горизонты, но, наоборот, рассказывать несбыточные сказки, которые должны примирить с настоящим.

Таким образом, утопическое воображение, ориентированное в СССР на решение практических задач, сталкивается с неспособностью «проложить непредвиденные и даже нежелательные пути для мышления, которое в поисках неизведанного обнаруживает себя безвозвратно ушедшим в слишком привычное и таким образом неожиданно трансформируется в созерцание своих собственных абсолютных пределов» [Джеймисон, 2006, с. 41].

Кризис идентичности совпал с финалом первого этапа космической гонки, который завершился в июле 1975 г. совместным с США проектом «Союз — Аполлон». Прежние основания для космических исследований — воодушевление, идеологический базис и политическая воля — были утрачены одновременно.

Космос как оружие

Новый взгляд на космос формировался мифом о войне. Ему положил начало новый виток космической гонки, начавшейся в 1981 г., как и 20 лет назад 12 апреля: США запустили первый спейсшаттл — многоразовый транспортный космический корабль. В этом же году Рональд Рейган объявил СССР империей зла и предложил новую космическую программу, ориентированную на противоракетную защиту от Союза.

Стоит отметить, что военные сюжеты о космосе, распространенные в США, почти не затронули советскую космическую мечту. Космонавт, скорее, соотносился с фигурой героического ученого, а не с воином, представленным в «Звездных войнах» Дж. Лукаса. Режиссер опирался на концепцию мифа Дж. Кэмпбелла о единой модели войны и путешествия мифологического героя по космогоническому кругу [Кэмпбелл, 1997]. Эта схема остается неизменной и в обрядах инициации примитивных народов, и в развитой мифологии древних цивилизаций. Она получает свое продолжение в современности и будущем, которое нарисовал Лукас.

Именно в этой точке видно, что миф, согласно определению Барта, работает как особая коммуникативная система, образующая скрытый идеологический уровень дискурса. При этом миф действует двояко. С одной стороны, он направлен на изменение реальности, имеет целью создать такой образ действительности, который совпадал бы с ценностными ожиданиями носителей мифологического сознания. С другой стороны, миф стремится скрыть собственную идеологичность, предстать как нечто естественное, само собой разумеющееся [Барт, 2008].

В 1980-х коммуникативная функция космического мифа проявляется особенно ярко, взаимодействуя с массовой культурой. Первая модель спейсшаттла «Колумбия» получила название корабля, на котором путешествовали герои сериала «Star Trek». Противоракетная космическая программа была названа «Звездные войны» по аналогии с фильмом. Частью предвыборной программы Р. Рейгана стал конкурс учителей, главным призом которого был полет на шаттле «Челленджер». Рейган уже стал президентом, когда «Челленджер» взорвался в воздухе, что стало первой публичной космической катастрофой.

В СССР в это время публиковались едкие карикатуры на программу США, и в тоже время советские инженеры пытались создать свой пилотируемый корабль «Буран». Последним прорывом в истории СССР стал запуск орбитальной станции «Мир» в 1986-м. Время космонавтов-первооткрывателей кончилось.

В 1991 г. утрата советской мечты ознаменовала прощание в том числе с космической мечтой о будущем. Постсоветская ситуация требовала новой постановки задач и новой космической мифологии.

«Я знаю, что ничего не знаю»

В постсоветскую эпоху научные представления о вселенной стремительно мифологизируются. Новая мифология формируется под воздействием «распространения сект, целителей, пророков, мессий, инопланетян. Конспирологические теории в сочетании с политической и экономической нестабильностью выбивают реальность на тот уровень, где научная фантастика уже не может предложить альтернативную картину мира» [Gomel, 1999. p. 439].Как ни парадоксально, мифологизации отчасти способствуют последние астрономические открытия, согласно которым мы можем изучить всего 5% вселенной, состоящей из межгалактического газа, звезд и планет. В целом же масса-энергия вселенной состоит на 70% из темной энергии и на 25% из темной материи, не вполне доступных исследованию и пониманию.

Западная научная фантастика, пережив «золотой век» освоения космического пространства, переродилась в киберпанк. Этот близкий к антиутопии жанр рисует мир будущего, в котором технологии приводят не к расцвету общества, как предполагали фантасты прошлого, а кризису.

Хотя советская эпоха действительно завершилась кризисом, российского киберпанка как движения до сих пор не существует, и попытки его произвести практически не опирались на науку и технологии. В постсоветской научной фантастике продолжают доминировать выхолощенные принципы ушедшей эпохи. Например,

целый ряд авторов вместо того, чтобы переосмыслить советское наследие, продолжает описывать приключения героев Стругацких. С подобным подходом связаны, к примеру, премия «Бронзовая улитка» и литературная серия «Время учеников».

Космос на продажу

Фактически российская научная фантастика оказалась слишком слаба, чтобы сформировать новую космическую мифологию. В результате представления о космосе встроились в коммерческий контекст, и их можно описать через концепт спектакля, предложенный Ги Дебором. Спектакль характеризуется тем, что закрывает доступ к реальности, отличной от той, что живет по законам рыночной экономики. Восприятие действительности обусловливается упрощенными визуальными образами рекламного характера.

В этой ситуации представить нечто качественно иное человек не способен: спектакль, в котором он живет, предполагает, что все уже сконструировано, и нет необходимости воображать сверх того, что есть [Дебор, 2000]. Если вернуться к теории мифа как коммуникации Р. Барта, нынешнее восприятие космоса обусловлено тем, что «мифическое слово создается из материала, уже обработанного с целью определенной коммуникации» [Барт, 2008, с. 266].

Космос стал товаром. Рынок космических услуг сегодня оценивается в 350–500 млрд долларов, туда включены коммуникационный бизнес, навигация, картография, телевидение. При этом более 80% рынка контролируют США. На долю России пока приходится около 0,5–2% [Калышева, 2011]. Парадоксально, что Россия, создавшая коммунистический миф о космосе, в настоящий момент является лидером в области коммерческих запусков, но не запустила ни одного аппарата в дальний космос.

Набирают обороты проекты развлекательного характера. Например, проект «One Mars» нацелен на создание колонии на Марсе, чтобы транслировать ее жизнь в реалити-шоу. В 2001 г. на Международную космическую станцию отправился первый турист — американский миллионер Деннис Тито.

На российском рынке распространена реклама с использованием космических символов или космических полетов. Например, слоган марки Red Bull утверждал, что энергия напитка позволяет преодолеть человеческие предел, и, по существу, сам продукт способен связать человека и космос. Так, рекламная кампания демонстрирует прыжок из стратосферы.

Бренд AXE в январе 2013 г. запустил кампанию «Космонавт всегда выигрывает». Хотя реклама эксплуатирует типичный эротический контекст, смысл ее заключался в отборе потенциальных космонав-

тов, для тренировки которых компания открыла центр подготовки. В продвижении Олимпиады в Сочи также была задействована космическая тематика: команда российских космонавтов доставила олимпийский огонь на Международную космическую станцию.

До недавнего времени прагматические цели бизнеса в космосе ограничивались навигационными спутниками и технологиями коммуникации. Однако независимая компания SpaceX в 2008 г. уже начала запуск собственных ракет. Вполне возможно, что бизнес пойдет дальше — к добыче ресурсов и коммерческого использования космического пространства.

Падение метеорита в Челябинске в феврале 2013 г. напомнило, что внеземной мир — это не отделение рынка. Космос в очередной раз продемонстрировал свою непредсказуемость и опасность. Подобным ситуациям невозможно противостоять на уровне развития технологий, которые находятся в распоряжении даже передовых стран. Для исследования внеземного пространства недостаточно коммерческого интереса. Необходимо научное знание, способное предотвратить угрозы и выявить перспективы космических исследований.

В ожидании чуда

С уходом ученых-шестидесятников, которые верили в науку как панацею от несчастий, интерес к космосу стал снижаться. По данным опроса ВЦИОМ, с 2007 по 2013 г. число людей, интересующихся научными открытиями упало с 68 до 47%. Всего 16% россиян сегодня проявляют интерес к тому, что происходит с космической отраслью [ВЦИОМ, 2013].

Проблему затрудненного восприятия научного знания акцентировали братья Стругацкие в эпилоге к роману «Трудно быть Богом» (1963). Писатели предположили, что в 2010–2015-х годах, пресытившись результатами прогресса, люди утратят к нему интерес. В результате свойственное человеческой природе ожидание чуда сместится на вненаучные области: парапсихологию, инопланетян и т. п. Однако настоящие «чудеса возникают в виде корявых формул, как-то нацарапанных мелом на плохо протертой черной доске, чтобы потом нырнуть в мрачные недра гигантских ускорителей» [Стругацие, 1989, с. 525].

Воображение, игравшее важную роль для понимания и изучения космоса, обернулось преградой для нового рывка в космос. То, что нельзя себе красочно представить и изобразить, больше не привлекает внимания. В этом отношении нынешняя коммерческая мифология — вполне в духе Ги Дебора, строится на ожидании чуда, которое может принимать формы прыжка из стратосферы или вознесения в космос олимпийского огня.

Рефлексии по этому поводу могут принимать весьма меланхолические формы, не чуждые космических метафор. Так, например, проводя аналогию между массовым сознанием и космосом, Ж. Бодрийяр сравнивает большинство с черной дырой, которая вбирает в себя индивидуальные частицы, обрывки сообщений СМИ, социальную и культурную энергию, не давая ничего взамен [Бодрийяр, 2000].

Но есть и обратная тенденция, на которую указывает Б. Латур. Наука из дела узкой группы ученых становится делом всего общества. По мысли Латура, это знаменует «окончание войны между наукой и обществом» [Латур, 2006], которое требует нового осмысления социальной значимости науки. Дж. Роуз предлагает отказаться от идеи единой науки, трактуя ее как ассамбляж локальных практик в конкретном культурном контексте [Rouse, 1996, p. 26]. Современный опыт показывает, что наукой могут заниматься как профессиональные ученые, так и любители, которые вовлечены в сбор данных, как, например, в биологии, когда открытия новых видов флоры и фауны делаются любителями. Непрофессионалы также вовлечены в анализ данных космических телескопов. Независимые лаборатории и любительские клубы, которые отличают свои практики от строгого лабораторного подхода, также являются звеном научного процесса.

По всей видимости, как нет единой науки, так больше невозможно представить единой идеи космоса. В постиндустриальную эпоху подобные монолиты распадаются на множество метаидей, охватить которые можно лишь с помощью особого воображения, которое выходит за границы сугубо художественных практик и охватывает все социальные институты.

Заключение

Миф о космосе неразрывно связан как с политическими факторами, так и динамикой научного знания. В таком понимании миф не является продуктом доцивилизационной формы мышления, но формой познания мира, в котором преднаучные идеи гибридизируются с научным и повседневным представлениями.

Миф о космосе на протяжении минувшего столетия претерпевал значительные изменения, происходившие вместе с трансформациями общественно-политической, экономической ситуации и научного знания. Представления о космосе в конце XIX — начале XX века были крайне мифологизированы. В результате внеземное пространство представлялось пространством утопии, которая до середины XX века была основным источником популярных образов космоса. Технологический прорыв, развитие космической

программы придало этим образам более рациональный характер. Прагматическое понимание космоса способствовало быстрому распространению научной фантастики. При этом освоение космоса было не только символом технологической мощи СССР, но и подпитывало надежды на счастье всего человечества.

Советский миф, соединенный с представлением о светлом коммунистическим будущем, не смог адаптироваться к условиям жизни в России после 1991 г. Политический и научный кризис выразился в том числе в отсутствии образа страны в будущем. В отсутствие мифа о космосе, который бы разделялся коллективным субъектом, космическая идея эксплуатируется частными компаниями в целях выстраивания коммерческих стратегий.

Космос перестал служить ресурсом развития, став коммуникационным ресурсом, рециклирующим старые образы. Иными словами, несовпадение повседневного знания, научного и социального измерений обернулось дефицитом новых мифических представлений, которые могли бы служить движущей силой космических достижений.

Библиография

Аверинцев С.А. (1970) Аналитическая психология К.-Г. Юнга и закономерности творческой фантазии. *Вопросы литературы*, (3): 113–143.

Барт Р. (2008) *Мифологии*, М.: Академический проект.

Богданов А. (1990) *Красная звезда*, М.: Правда.

Бодрияр Ж. (2000) *В тени молчаливого большинства, или конец социального*, Екатеринбург: Издательство Уральского университета.

Вайль П., Генис А. (2001) *60-е. Мир советского человека*, М.: Новое литературное обозрение.

ВЦИОМ. Отчет «Интерес к науке: самые любопытные области знания, самые известные ученые». Веб-сайт ВЦИОМ, Пресс-выпуск №2240. 2013. (http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=113680)

Дебор Г. (2000) *Общество спектакля*, М.: Логос.

Джеймисон Ф. (2006) *Прогресс versus утопия, или Можем ли мы вообразить будущее?* Н.Самутина (сост.) Фантастическое кино. Эпизод первый, М.: Новое литературное обозрение. С.32–50.

Лобковиц Н. (1990) Предисловие. В.М. Бакусев (ред.) *Классики мирового религиоведения: Словарь*, М.: Канон+.

Краснов П. (2011) *СССР, которого не было в работах советских художников* (http://www.rusproject.org/node/306)

Кэмпбелл Дж. (1997) *Герой с тысячью лицами*, М.: София.

Латур Б. (2006) *Нового времени не было*, СПб.: Изд-во Европейского ун-та.

Ларри Я. (1993) *Небесный гость: Социально-фантастическая повесть.* З. Дичаров (автор-сост.) Распятые. СПб.: Север-Запад.

Леви-Стросс К. (2000) *Мифологики*. М.;СПб.: Университетская книга.

Калышева Е. (2011) Первое место, но меньше процента. *Российская бизнес-газета*,№795 (13).

Первушин А. (2006) Завоевание Марса. *Марсианские хроники эпохи Великого Противостояния,* М.: Эксмо, Яуза.

Пропп В. Я. (1946) *Исторические корни волшебной сказки*. Л.: Изд-во ЛГУ.

Ревич В. (1997) *Перекресток утопий. Судьбы фантастики на фоне судеб страны,* М.

Стругацие А. иБ. (1965) *Понедельник начинается в субботу,* М.: Детская литература.

Стругацие А. и Б. (1989) *Трудно быть Богом*. Избранное, М.: Вся Москва: 380–522.

Тихонов Н. (1991) Перекресток утопий.Сборник «Серебряный век. *Петербургская поэзия конца XIX — начала XX в.*», Л.: Лениздат.

Тренчени-ВальдапфельИ. (1959) Мифология,М.: Изд-во иностранной литературы.

Урсул А.Д. (1967) Освоение космоса (философско-методологические и социологические проблемы), М.: Мысль.

Федоров Н. (2008) *Философия общего дела*, М.: Эксмо.

Чернышева Т. (1972) *Научная фантастика и современное мифотворчество.* Е. Брандис и В. Дмитревский (ред.) Фантастика-72, М.: 288–301.

Csicsery-Ronay I., Jr. (2004) Science Fiction and the Thaw. *Science Fiction Studies*, 31(3): 337–344.

Gerovitch S. (2007) «New Soviet Man» inside Machine: Human Engineering, Spacecraft Design, and the Construction of Communism.*Osiris,* Second Series, Vol. 22, The Self as Project: Politics and the Human Sciences: 135–157.

Gomel E. (1999) Science Fiction in Russia: From Utopia to New Age. *Science Fiction Studies*, November: 435–441.

Rouse J. (1996) *Engaging science: How to understand its practices philosophically*, Ithaca: Cornell University Press.

Siddiqi A. (2008) Imagining the Cosmos: Utopians, Mystics, and the Popular Culture of Spaceflight in Revolutionary Russia. *Osiris*, 23(1), Intelligentsia Science: The Russian Century, 1860–1960: 260–288.

References

Averincev S.A. (1970) Analiticheskaja psihologija K.-G. Junga i zakonomernosti tvorcheskoj fantazii [Analytical phycology of K.-G. Jung and patterns of creative imagination].*Voprosi literaturi* [Questions of literature], (3): 113–143.

Bart R. (2008) *Mifologii* [Mythologies], M: Akademicheskij proekt.

Baudrillard J. (2000) V teni molchalivogo bol'shinstva, ili konets sotsial'nogo [In the Shadow of the Silent Majorities], Ekaterinburg: Izdatel'stvo ural'skogo universiteta.

Bogdanov A. (1990) *Krasnaja zvezda* [Red star], M.: Pravda.

Campbell J. (1997) *Geroj s tysjach'ju licami* [A hero with thousands faces], M.: Sofija.

Chernysheva T. (1972) Nauchnaja fantastika i sovremennoe mifotvorchestvo [Science Fiction and modern mythmaking]. E. Brandis i V. Dmitrevskij (red.) Fantastika — 72 [Science fiction-72], M.: 288–301.

Csicsery-Ronay E., Jr. (2004) Science Fiction and the Thaw. *Science Fiction Studies,* 31(3): 337–344.

Debor G.(2000) *Obshhestvo spektaklja* [Society of the spectacle], M: Logos.

Fedorov N. (2008) *Filosofija obshhego dela* [Philosophy of the common task], M.: Jeksmo.

Gerovitch S. (2007) „New Soviet Man" inside Machine: Human Engineering, Spacecraft Design, and the Construction of Communism. *Osiris,* Second Series, Vol. 22, The Self as Project: Politics and the Human Sciences: 135–157.

Gomel E. (1999) Science Fiction in Russia: From Utopia to New Age. *Science Fiction Studies*, November 1999: 435–441.

Jameson F. (2006) Progress versus utopija, ili Mozhem li my voobrazit' budushhee? [Progressversusutopia, orcan weimagine the future?] N.Samutina (ed.) *Fantasticheskoe kino. Jepizod pervyj* [Fantasticmovie. The first episode], M: Novoe literaturnoe obozrenie: 32–50.

Kalysheva E. (2011) Pervoe mesto, no men'she procenta [The first place but less than one percent]. *Rossijskaja Biznes-gazeta* [Russian business newpaper], 795 (13).

Krasnov P. SSSR, kotorogo ne bylo v rabotah sovetskih hudozhnikov [USSR, which has never existed inthe works of Sovietartists]. Rusproject.org. 2011(http://www.rusproject.org/node/306).

Larri Ja. (1993) Nebesnyj gost': Social'no-fantasticheskaja povest' [The guest from heaven: Socio-fiction novel]. Z. Dicharov (ed.), *Raspjatye* [The crusified]. SPb.: Sever-Zapad.

Latour B. (2006) *Novogo vremeni ne bylo* [We have never been modern], SPb: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta.

Levi-Stross K. (2000) *Mifologiki* [Mythologiques]. M.; Spb.: Universitetskaja kniga.

Lobkovic N. (1990) Predislovie. [Preface] V.M. Bakusev (ed.) *Klassiki mirovogo religiovedenija: Slovar'* [Classics of world religious studies: Dictionary], M.: Kanon+.

Pervushin A. (2006) *Zavoevanie Marsa. Marsianskie hroniki jepohi Velikogo Protivostojanija*[The conquest of Mars. The Martian chronicles of the great conflict], M.: Jeksmo, Jauza.

Propp V. Ja. (1946) *Istoricheskie korni volshebnoj skazki* [Historical roots of a fairy tale]. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo gosudarstvennogo ordena Lenina universiteta.

Revich V. (1997) *Perekrestok utopij. Sud'by fantastiki na fone sudeb strany* [Crossroads utopias. Destiny of science fiction on the background of the country's fate], M.

Rouse J. (1996) *Engaging science: How to understand its practices philosophically*, Ithaca: Cornell University Press.

Siddiqi A. (2008) Imagining the Cosmos: Utopians, Mystics, and the Popular Culture of Spaceflight in Revolutionary Russia. *Osiris*, 23(1), Intelligentsia Science: The Russian Century, 1860–1960: 260–288

Strugacie A., B. (1965) *Ponedel'nik nachinaetsja v subbotu* [Monday begins on Saturday], M.: Detskaja literatura.

Strugacie A., B. (1989) Trudno byt' Bogom [It is hard to be a God]. *Izbrannoe*, Moskva: Vsja Moskva: 380–522.

Tihonov N. (1991) Perekrestok utopij [Crossroads utopias]. *Sbornik Serebrjanyj vek. Peterburgskaja pojezija konca XIX-nachala XX v*[The collection of Silver Age. St.Petersburg poetry of late XIX — early XX century]. Leningrad: Lenizdat.

Trencheni-Val'dapfel' I. (1959) *Mifologija* [Mythology], M.: Izdatel'stvo inostrannoj literatury.

Ursul A.D. (1967) *Osvoenie kosmosa (filosofsko-metodologicheskie i sociologicheskie problemy)* [Space Exploration (philosophical, methodological and sociological problems)], M.: Misl'.

Vajl' P., Genis A. (2001) *60-e. Mir sovetskogo cheloveka [The 60s: The world of the soviet man],* M.: Novoe literaturnoe obozrenie.

VCIOM. *Otchet «Interes k nauke: samye ljubopytnye oblasti znanija, samye izvestnye uchenye»* [Interest toward science: the most interesting areas of science, the most famous scientists], VCIOM, Press-vypusk № 2240. 2013 (http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=113680).